

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда №146

Ноябрь 2011

С.Ч. против Австрии [S.H. and Others v. Austria] (жалоба № 57813/00)

Постановление от 3.11.2011 [Большая Палата]

Статья 8

Пункт 1 статьи 8

Уважение семейной жизни

Уважение частной жизни

Установленный национальным правом запрет на использование донорских яйцеклетки и спермы для экстракорпорального оплодотворения: *нарушение не установлено*

Обстоятельства дела – Заявителями являлись две семейные пары. Будучи бесплодными, они желали воспользоваться методикой искусственного оплодотворения. Единственную возможность для зачатия ребенка, генетическим родителем которого был бы один из них, предоставляло экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) с использованием донорской спермы (в случае первой пары) или яйцеклеток (в случае второй пары). В соответствии с Законом об искусственном оплодотворении Австрии применение обеих методик являлось незаконным. Данный закон запрещал использование спермы донора для целей ЭКО и донорство яйцеклеток в целом. Он допускал, однако, другие методы искусственного оплодотворения в частности ЭКО с использованием спермы и яйцеклетки самих партнеров, которые состоят в официальном или незарегистрированном браке (гомологический метод) и в исключительных случаях – донорство спермы, если она вводится в репродуктивные органы женщины. Заявители обратились в Конституционный Суд, который пришел к выводу, что имело место вмешательство в их право на уважение семейной жизни, однако такое вмешательство было оправданным, поскольку имело целью предотвращение формирования нестандартных семейных отношений (наличие у ребенка двух матерей – генетической и суррогатной), а также предотвращение эксплуатацию женщин.

В своем постановлении от 1 апреля 2010 г. Палата установила нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 и в отношении заявительниц, и в отношении заявителей (смотрите Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 129).

Право – Статья 8: Право пары на зачатие ребенка и на использование методики искусственного оплодотворения для этой цели защищается статьей 8, поскольку данное решение является одним из аспектов личной и семейной жизни. Соответственно, данное положение применимо к настоящему делу. Суд отметил, что заявителям было отказано в использовании методики искусственного оплодотворения на основании правовой нормы, применение которой они безуспешно оспаривали в национальных судах. Суд исследовал их жалобы с точки зрения вмешательства в осуществление их права на использование технологий искусственного деторождения. Оспариваемая мера была установлена законом и преследовала правомерную цель по защите здоровья и морали, а также защите прав и свобод других лиц. После того, как решение Конституционного суда состоялось, в медицине произошли изменения, которые ряд государств-участников отразил в своем законодательстве. Однако Суду требовалось разрешить вопрос не о том, оправдан ли с точки зрения Конвенции запрет донорства половых клеток, а была ли эта мера оправданной в то время, когда австрийский Конституционный суд рассматривал дело. В данный момент в законодательстве стран-участниц прослеживается четкая, отражающая растущий европейский консенсус тенденция по разрешению донорства половых клеток для целей искусственного оплодотворения. Однако указанный консенсус не основан на устоявшихся принципах, закрепленных в законе, а лишь отображает стадию развития отдельной динамичной сферы права и не сужает решающим образом пределы свободы усмотрения государства в этом вопросе. Поскольку использование ЭКО затронуло и продолжает затрагивать сложные моральные и этические вопросы на фоне быстроразвивающихся медицинских и научных достижений, и поскольку вопросы, поднятые в настоящем деле, касаются сферы, в которой отсутствует единое мнение государств-членов, Суд пришел к выводу, что пределы усмотрения, предоставляемого государству-ответчику должны быть широкими.

(а) *Донорство яйцеклеток* – В такой деликатной области как искусственное деторождение соображения морали или готовность общества к соответствующим технологиям должны восприниматься с должной серьезностью. Однако эти факторы как таковые не являются достаточно вескими причинами для абсолютного запрета на конкретные методики, применяемые для искусственного деторождения, например, на донорство яйцеклеток. Несмотря на широкие пределы усмотрения, которыми располагают государства-участники, правовая регулятивная основа должна быть сформирована так, чтобы адекватно учитывать различные законные интересы. Австрийский законодатель не полностью запретил искусственное оплодотворение, поскольку позволял использование гомологических методик. Австрийское право было основано на той идее, что медицинское содействие деторождению должно оставаться максимально близким к естественному во избежание возможных конфликтов между биологическими и генетическими матерями в широком смысле. Преследуя данную цель, законодатель пытался примирить желание сделать искусственное оплодотворение доступным с существующим беспокойством среди широких слоев населения по поводу роли и возможностей современной репродуктивной медицины. Кроме того, в Законе об искусственном деторождении австрийский законодатель установил особые гарантии и меры предосторожности, а именно предоставил право применения технологий искусственного деторождения врачам с

соответствующей специализацией, обладающими необходимыми знаниями и опытом в этой сфере и связанными этическими правилами профессии. Закон также запрещал выплату вознаграждения за донорство половых клеток. Данные меры были направлены на предотвращение возможных рисков евгенической селекции и злоупотреблениям в этом смысле, а также предотвращения риска эксплуатации женщин, находящихся в уязвимом положении как доноров яйцеклеток. Что касается тревоги по поводу возникновения отношений, в которых социальные обстоятельства расходятся с биологическими, то институт усыновления существует уже длительное время и в настоящее время предоставляет достаточно богатую правовую базу для урегулирования таких отношений. Точно также может быть сформирована и правовая основа, которая будет надлежаще регулировать проблемы, вытекающие из донорства яйцеклетки. Однако, разделение материнства между генетической матерью и женщиной, вынашивающей ребенка, существенно отличается от отношений приемных родителей и приемного ребенка, что указывает на новый аспект проблемы. Основным вопросом с точки зрения статьи 8 Конвенции заключается не в том, мог ли австрийский законодатель принять иное решение, которое возможно установило бы более справедливый баланс, а в том, не вышел ли он за пределы усмотрения, предоставленные данной статьей, при установлении баланса на тот момент. При разрешении данного вопроса Суд придал значение факту отсутствия достаточно сформированного европейского консенсуса относительно того, может ли допускаться донорство яйцеклетки в целях ЭКО. Соответственно, Суд установил, что запрет донорства яйцеклетки австрийским законодательством не противоречил статье 8.

(b) *Донорство спермы* – Те же самые соображения были приняты во внимание при рассмотрении вопроса о запрете донорства спермы. Тот факт, что австрийский законодатель принял Закон об искусственном деторождении, запретив донорство спермы и яйцеклеток в целях ЭКО и не запретив при этом донорство спермы в целях естественного оплодотворения, которое представляло собой технологию, допускаемую в течение длительного времени и в целом одобряемую обществом, имел значение при взвешивании соответствующих интересов и не мог рассматриваться исключительно в контексте действенной политики запретов. Скорее он свидетельствует о бережном и осторожном подходе, принятом австрийским законодателем в целях примирения общественных реалий со своей принципиальной позицией в данной области. В этой связи следует отметить, что в австрийском законодательстве отсутствовал запрет на выезд за границу для лечения бесплодия с использованием технологий искусственного деторождения, не разрешенных в Австрии, а в случае успешного лечения Гражданский кодекс содержал ясные правила относительно отцовства и материнства, которые уважали пожелания родителей.

(c) *Вывод* – Австрийский законодатель в данном случае не вышел за пределы усмотрения ни в отношении запрета донорства яйцеклетки для целей искусственного оплодотворения, ни в отношении запрета донорства спермы для экстракорпорального оплодотворения, статьей 3 Закона об искусственном деторождении.

Австрийский парламент не приступил к тщательному пересмотру правил, регулирующих искусственное деторождение с учетом динамичного развития науки и общества. Австрийский Конституционный суд отметил, что медицинская наука и консенсус, существовавший в обществе в тот момент, могут изменяться, и что данное обстоятельство законодатель должен будет принять во внимание в будущем. Хотя Суд заключил, что по настоящему делу требования статьи 8 нарушены не были, Суд отметил, что эта область, в

которой законодательство постоянно меняется, отражая динамичное развитие науки и права, и требует постоянного пересмотра государствами-участниками.

Вывод: нарушение не установлено (тринадцать голосов против четырех).

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого использования какой-либо части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int.